

Когда Нин Цзючэнь вела её за руку в Семью Нин, Цзян Жугу только-только справилась со своими негативными эмоциями. Она ещё не успела порадоваться тому, что Нин Цзючэнь впервые взяла её за руку, как сообразила: не означает ли это, что она совершенно неожиданно знакомится с родителями?

Иногда Цзян Жугу казалось, что у неё поистине толстая кожа. Несмотря на то, что произошло столько всего, из-за чего она, казалось бы, никогда не смогла бы оправиться, сейчас она всё ещё думала о подобном. Стоило ей подумать о Нин Цзючэнь, как она уже не могла не быть счастливой.

Цзян Жугу понятия не имела, как Нин Цзючэнь удалось заставить дядю и тётю оставить её в покое и даже наказывать следовать за Нин Цзючэнь. Наверное, это было какое-то удивительное чувство.

Больше всего Цзян Жугу поражало то, что родители Нин Цзючэнь относились к ней просто невероятно хорошо. В конце концов даже сама Нин Цзючэнь не удержалась от шутки:

— Кто из нас вообще их родная дочь? Меня что, на помойке нашли?

Для родителей Нин Цзючэнь в этом не было ничего необычного: они собирались подыгрывать любому, кто был дорог их дочери. Нин Цзючэнь от природы обладала довольно холодным характером, и раз уж у неё появился редкий друг, к которому она была равнодушна, разумеется, нужно было проявить уважение. Вы спросите, откуда они знали, что она ей дорога? Какая глупость, стала бы Нин Цзючэнь при её-то нраве приводить кого-то домой просто так?

Вжух — бах!

Сгусток серебристо-белого света, стремительно взмывший ввысь, наконец с грохотом разорвался в небе, и разноцветные фейерверки расписали чернильно-черную ночную гладь самыми ослепительными красками.

Заметив, что Цзян Жугу засмотрелась на далёкие салюты, Нин Цзючэнь спросила:

— Нравится?

— Нравится.

— Хочешь попробовать сама?

— Нет, не стоит, я не хочу тебя утруждать.

Действия всегда говорят громче слов. Ничего больше не объясняя, Нин Цзючэнь просто подтянула Цзян Жугу к тому самому месту, где её люди заранее подготовили фейерверки, и протянула ей зажигалку. Цзян Жугу простояла так довольно долго, но зажигалку так и не взяла.

— Боишься? — в голосе Нин Цзючэнь послышалась редкая нотка насмешки.

И впрямь боялась, но Цзян Жугу было стыдно в этом признаться. Её щеки уже тихонько покраснели от смущения, и оставалось надеяться лишь на то, что в темноте Нин Цзючэнь ничего не разглядит. Увы, небеса, как назло, решили поступить иначе: фейерверк в вышине вспыхнул с новой силой, на мгновение осветив всё вокруг, и этого света оказалось более чем достаточно, чтобы Нин Цзючэнь отчетливо увидела выражение её лица.

На этот раз Нин Цзючэнь не стала поддразнивать её, а просто шагнула вперед и сама зажгла салют. Обернувшись и заметив, что Цзян Жугу так и стоит столбом с ошеломленным видом, Нин Цзючэнь протянула руку и мягко закрыла ей ладонью уши. Глядя, как легкий румянец на её щеках постепенно расплывается, пока наконец всё её лицо не залилось краской, Нин Цзючэнь наконец не выдержала и рассмеялась. Поддразнивать её, похоже, было весьма забавно.

Раз уж связываться с крупными салютами она не решалась, с мелкими-то справиться точно смогла бы. Вскоре Нин Цзючэнь наблюдала за тем, как Цзян Жугу с пучком бенгальских огней в руках затеяла какую-то возню с местной ребятней, с честью заслужив звание трёхлетнего ребенка.

Дождавшись, пока она закончит жечь свои маленькие огоньки, Нин Цзючэнь подошла к ней и жалобно заглянула ей в глаза. Девушка не удержалась и потрепала её по волосам — ощущение было такое, будто она завела себе капризного крупного питомца.

А вот у Лун Батяня в этот момент было вовсе не до праздничного настроения. Помолвка аннулирована, сам он провалялся в постели целую вечность, а Семья Нин охраняла Нин Цзючэнь так надежно, что он пока ничего не мог поделать — от всего этого уже можно было лопнуть от злости. Хуже всего было то, что отец перенес центр тяжести влияния на его старшего брата, да вдобавок и его собственный небольшой бизнес начал подвергаться какому-то непонятному давлению и никак не мог выкарабкаться из упадка.

Лун Батяню казалось, что он действительно вот-вот умрет от гнева. Нин Цзючэнь ведь так сильно любила его, без конца звала братишкой Луном, а он даже постеснялся бы назвать это тошнотворным — и вдруг взяла и разорвала помолвку просто по щелчку пальцев. Ну и что с того, что мужчина крутит шашни с парочкой девиц на стороне? Это всего лишь способ снять физическое напряжение, а эта девчонка мало того, что сама ему не давалась, так еще и другим запрещала. Ну не больная ли у нее голова? Кто вообще захочет жениться на такой?

Вопреки первоначальному сюжету, где они из-за Лун Батяня обе попали в обычный класс с естественным уклоном, её попросту выкинули за борт. Вместо этого обе девушки оказались в элитном классе и стали соседками по парте, которым приходилось видеться каждый божий день. Цзян Жугу просто не хватало слов, чтобы описать свое возбуждение: если округлить, это означало, что теперь они смогут проводить время вдвоем хоть каждый день. Чувствовалось, что до покорения сердца Нин Цзючэнь остался еще один огромный шаг, с чем ее можно было только поздравить.

Нин Цзючэнь откупорила бутылку выдержанного красного вина Лафи 1982 года, и густой аромат напитка поплыл по воздуху. Она понятия не имела, что на уме у Цзян Жугу, просто ей показалось странным, что эта послушная пай-девочка ни с того ни с сего вдруг захотела отпраздновать их воссоединение за бокалом вина.

В конце концов, они стали соседками по парте — разве это повод для праздника? Она вдруг вспомнила, что в тот день в баре Цзян Жугу пила именно Лафи. Уж не облизнулась ли та на чужое вино, раз уж решила затеять всё это ради того, чтобы выпить?

В голове Цзян Жугу вовсю шло лихорадочное подсчитывание очков: мало того, что появился шанс отпраздновать с Нин Цзючэнь бушующую в ее груди радость, так еще и стоило вину ударить в голову, как возможностей станет куда больше. Мысленный двойник Цзян Жугу одарил её пошлой ухмылкой: «Обязательно свалю и овладею, обязательно свалю!»

Вспомнив все те руководства по обольщению, что она изучила, девушка подумала, что потеря контроля под воздействием алкоголя только поможет их чувствам выйти на новый уровень. Посмотрев на свои аккуратно подстриженные ногти — с ними всё было в полном порядке — она бросила косой взгляд на ногти самой Нин Цзючэнь: та, казалось, всегда предпочитала коротко обрезать их и тщательно закруглять края пилочкой. Погода стояла прекрасная, обстоятельства сложились идеально, и было бы просто непростительно ничего не предпринять. Что лучше: самой добиться расположения Нин Цзючэнь или позволить Нин Цзючэнь взять инициативу в свои руки? С характером Нин Цзючэнь она наверняка не стерпит роли подчиненной, так что лучше самой соблазнить её и заставить завладеть собой.

Вспомнив, какое сексуальное белье лежит в шкафу — купленное на деньги, заработанные репетиторством, черное кружевное, прозрачное, — Цзян Жугу представляла, как будет выглядеть в нем: одновременно стыдливая и манящая, с робким трепетом в глазах. Предвкушая, как она превратится в самую соблазнительную подчиненную и опутает Нин Цзючэнь своими чашами, Цзян Жугу не сомневалась, что сможет покорить эту деревянную чурку. Воображая, как, совсем как в ее снах, Нин Цзючэнь мягким, плавным движением войдет в нее, Цзян Жугу невольно плотно сжала бедра.

— Ты уверена, что сможешь выпить столько?

Нин Цзючэнь была весьма уверена в своей выносливости. Пусть не тысяча чаш без продыху, но уложить парочку здоровенных мужиков для нее не составляло труда. Однако в алкогольных способностях Цзян Жугу она сомневалась и, глядя на два доверху налитых стакана, не удержалась от предупреждения:

— Ничего, если опьянею, всё равно спать ложиться.

Если подумать, то верно. Нин Цзючэнь сходила за двумя бутылками Маотая.

— Пей это, красное вино не пьют так, будто это вода из бычьего корыта.

Глядя на бутылку в руках Нин Цзючэнь, Цзян Жугу расплылась в улыбке, согнув брови и уголки глаз: при таком высоком градусе не напиться просто невозможно. Хе-хе-хе, ее внутреннее альтер-эго уже потирало руки в предвкушении: когда ты напьешься, вертеть тобой буду исключительно я.

Однако реальность оказалась суровой. Стоило осушить стакан залпом, как Нин Цзючэнь посмотрела на Цзян Жугу, молча покачала голову и легко похлопала ее по плечу. Бац — Цзян Жугу тут же уткнулась лицом в стол. Прекрасно, сразу видно, что главная героиня — вовсе не выпивоха, вырубилась с одного стакана. Вот это мощь.

Велев домработнице навести порядок, Нин Цзючэнь отнесла Цзян Жугу в свою спальню: оставлять пьяную девушку без присмотра, на случай всяких непредвиденностей, ей не хотелось. Как ни звала, пробудиться не смогла, а возиться с чужими омовениями у Нин Цзючэнь желания не было. Бросив её на кровать, она постелила ей отдельно — сказывалась легкая степень чистоплотности Нин Цзючэнь, выносить подобное она не могла.

Когда Нин Цзючэнь наконец закончила все дела и собралась спать, Цзян Жугу на кровати уже не было. Куда это маленькое бедствие снова запропастилось? Оказалось, она свалилась на пол и лежала ничком, становясь всё грязнее. Потеряв терпение, Нин Цзючэнь без церемоний затащила ее в ванную, позвала дежурную горничную, чтобы та ее искупала, и передела.

Опьяневшая Цзян Жугу ни капельки не походила на саму себя в трезвом состоянии: то плакала, то смеялась, не произносила ни слова, но выглядела донельзя жалостливо. Нин Цзючэнь мягко поглаживала ее по спине и, словно укачивая капризного ребенка, наконец уложила спать.

Когда Нин Цзючэнь уже сама засыпала, Цзян Жугу принялась ворочаться, елозить туда-сюда и даже попыталась забраться к ней в объятия. И без того не носившая белья пижама оказалась довольно свободной, и от усердных попыток Цзян Жугу протиснуться вперед ткань съехала почти до конца, обнажая всё больше молочно-белой кожи.

Лишенная возможности уснуть от этих бесконечных трепыханий, Нин Цзючэнь наконец потеряла терпение. Хотя она и умерила силу удара, Цзян Жугу все же отправилась в полет и рухнула на пол. После глухого и уверенного шлепка в комнате наконец воцарилась тишина.

Проснувшись, Цзян Жугу ощутила сплошную ломоту во всем теле. Шевельнуться было страшно — болело абсолютно всё. Распахнув глаза и оглядевшись, она подумала: с чего это я сплю на полу? Заметив на кровати Нин Цзючэнь, она вздохнула: ну да, всё верно, я по-прежнему сплю на полу в спальне Нин Цзючэнь. Память после выпитого напрочь отшибло, помнилось лишь то, что после рюмки перед глазами двоилось, и она ломала голову, на кого же из двух Нин Цзючэнь лучше наброситься, а дальше — темнота.

В тот день Нин Цзючэнь бросила ей лишь одну леденящую душу фразу: к спиртному больше не прикасаться.

Лун Батянь пытался подкараулить Нин Цзючэнь. Прежде ее тайком охраняли телохранители, но в школе-то они точно не станут вмешиваться! Он уже собирался эффектно прижать Нин Цзючэнь к стене корпусом и потребовать объяснений, почему это она смеет его не любить, но совершенно не рассчитал разницу в боевой силе и был избит Нин Цзючэнь до полусмерти. Домой в больницу его отправляли уже люди из семьи Лун.

К тому времени, как он залечил раны, его небольшая компания стараниями Нин Цзючэнь уже покатилась по наклонной и развалилась. Девятнадцатилетнему незаконнорожденному сыну оставалось уповать лишь на то, чтобы прижать старшего брата и отвоевать право на наследство, ведь его собственные верные помощники были практически выведены из строя.

Преследуемый сплошными неудачами, он столкнулся с Цзян Жугу, возвращавшейся с подработки репетитором. Раньше он безуспешно пытался подобраться к ней, но та была неотделима от Нин Цзючэнь. На этот раз, разузнав, что она на все выходные уходит одна давать частные уроки, он наконец усмотрел возможность действовать.

Нин Цзючэнь и предположить не могла, что этот тип, вместо того чтобы думать о мести, все еще зарится на Цзян Жугу. И впрямь, от сюжетных клише никуда не денешься. К счастью, она подстраховалась и всё это время держала людей приставленными к Цзян Жугу, благодаря чему успела подоспеть на помощь вовремя.

Любишь поиграть? Я покажу тебе игры покрупнее. На сей раз Нин Цзючэнь отправилась в отель не одна, прихватив с собой дюжего амбала с крепким телосложением, славившегося любовью к мужской красоте — по наводке владельца ночного клуба.

Пиком удара распахнув дверь гостиничного номера и отбросив в сторону Лун Батяня, собиравшегося сорвать с Цзян Жугу одежду, Нин Цзючэнь подхватила на руки полусонную девушку и вышла наружу. Бросив короткий взгляд на стоявшего у входа здоровяка с горящими голодными глазами хищника, она подумала: ну вот, теперь тебе достанется сполна.

И нельзя было винить амбала в такой странной реакции: будучи главным героем, Лун Батянь обладал весьма привлекательными природными данными, к тому же он отчаянно пичкал себя возбуждающими средствами, так что его соблазнительный, полный томной негой вид довел падкого на парней бугая почти до предела.

— Ступай, — кивнула Нин Цзючэнь громиле.

Услышав доносившиеся из-за спины непрекращающиеся стоны Лун Батяня, Нин Цзючэнь улыбнулась — улыбкой мрачной и зловещей. Злодеяния не остаются безнаказанными, просто время еще не пришло. Раз небеса не забирают тебя — это сделаю я. Достав телефон, она невозмутимо набрала номер Лун Чжэньтяня:

— Четвертый этаж отеля Икс-Икс, номер 2188. Придумайте способ притащить сюда вашего старика, вас ждет сюрприз.

<http://bllate.org/book/21621/2230355>